

Красиков В.И.

ЛЮБОВЬ И СЕБЯЛЮБИЕ

Ты моя женщина, я – твой мужчина.
Если надо причину – то это причина.
рок-группа "Наутилус Помпилиус"

Любовь в общепринятом понимании есть скорее прекрасная, сладкая иллюзия, выражающая мироощущение женщин. Очарование, головокружение от недоступности или романтики чувственности в отношениях между полами и есть денотат "любви". Оговоримся сразу, нас интересует здесь только любовь между полами, все другие возможные формы – вне нашего внимания.

Ситуация любви – не экзистенциальна, в своей глубинной основе она *антропологична*, ибо взаимодействуют здесь не два полностью во всем эквивалентных друг другу, а два достаточно отличных по некоторым своим важнейшим интенциям сознания. Разные по интенциям пола, *половой конституции сознания*. Конечно, это несколько режет слух, может уместнее было бы говорить о бремени тела, пола в поведении? Думаю, что нет. Похоже, следует все же говорить именно о разных половых конституциях сознания, производных от разности антропологических функций их носителей.

Это вовсе не означает оценочных сравнений. В интеллектуальном, социальном и прочих измерениях несомненно наличествует *эквивалентность* мужского и женского сознаний. Но его просто не может быть в половом аспекте их взаимодействия. Причем под "половым взаимодействием" или "чувственностью" здесь понимается *предельно широкий* спектр отношений между полами, где секс есть очень небольшой его участок. Мы полагаем более точным термином для обозначения широты охвата возможных форм общения между полами именно "*чувственность*" в силу его достаточно нейтрального смысла. В отличии, к примеру, от "половой любви" или "полового взаимодействия", которые в смысловом отношении слишком привязаны к своему биологическому экстремуму, сексу. Секс есть лишь одна из форм чувственности, правда это фокусированная чувственность, максимализированная в генитальных ощущениях.

Чувственность в широком смысле слова – это и физически-контактные, и эстетические, и душевные (эмоции), и мыслительные (фантазии, оценки, проекции) чувства, объединяемые половым влечением. Половая чувственность является одной из важнейших антропологических детерминант, наряду с такими, как стремление к познанию, свободе, коммуникации.

Разница в антропологическом исполнении полов проявляется не только в физиологии и психике. Она так же, как и другие

детерминанты, порождает особые конститутивные особенности сознания. Правда, не на рациональном, самоотчетном уровне, а скорее на "этаже" *мирочувствования* – общих устремленностей, поведенческих стратегий, интуиций, имеющих, как правило, малоотчетливый характер.

Проще говоря, мужчины и женщины по-разному воспринимают противоположный пол, равно как и по-разному чувствуют себя в строе мироздания. И это обусловлено разностью их антропологического исполнения: функциями в осуществлении видового бытия *homo sapiens*.

Причем чисто биологические предопределенности вызывают социокультурные воплощения и духовные репрезентации (в искусстве, морали, философии). Мы, однако, ограничимся поисками ответов только на один вопрос: "В чем специфика полового мирочувствования и как она представлена в динамике отношений между мужчинами и женщинами?"

Мы уже предпослали утверждение о том, что любовь в общепринятом современном понимании, как эмоционально-духовное переживание неповторимости другого человека, забота о другом – есть концептуализация скорее женского, чем мужского, мирочувствования. Постараемся теперь аргументировать это мнение.

Чувственность в отношениях между полами можно представить в виде *"любия"*: себя и тебя, двух разорванных половинок, вечно ищущих друг друга. Себялюбие мужчин и тебялюбие (или любовь в современном понимании) являются можно сказать "чистыми" антропологически-половыми формами чувственности. Особо подчеркнем эту "чистоту" или абстрактность выделяемых моделей чувственности или полового мирочувствования. Многим известно, что в каждом отдельном человеке как бы есть разная представленность мужских и женских начал. Есть, и это тоже хорошо известно, мужеподобные женщины и женоподобные мужчины. Но вряд ли интересен для философского сочинения анализ сугубо частного – это дело бытописателя. Обратимся к описанию антропологически чистых типажей половых мирочувствований, которые производны от различия функций в продолжении рода.

Если отвлечься от социального, ментального, духовного наполнения мужской активности, сознательно ограничиться выявлением ее биологически-репродуктивного смысла, то основной ее функцией является прежде всего оплодотворение как можно большего количества женщин и, тем самым, закрепление себя в роде. Репродуктивному успеху отдельного мужчины препятствует многое: конкуренция других мужчин, ограниченность половой силы, социокультурные препятствия. Все это создает те ограничения, преодоление которых должно было быть выявлением нового, внесением благоприятной изменчивости в эволюцию человеческого

рода. Сама функция мужского начала, заключающаяся в категоричности веления воплощения этого-вот, всегда единичного и особенного набора генов в потомстве, определяет основы мужского полового мироощущения – *мироощущения воплощения*. Это предопределяет основные его качества: динамичность, агрессивность и себялюбие.

Мужчина – телесно самозамкнут, не имеет своего непосредственного телесного продолжения, он не в силах самоудвоится. В отличие от женщины, которая абсолютно достоверно для себя самодублируется, бесспорно оставляя себе замену, себя-в-ребенке, мужчина только *знает* о своей роли в размножении. И ничто ему не даст чувствования "продолжения своего тела", как у женщины. Отсюда его активный и неутомимый поиск соития, замещающему ему женское природное чувство продолжения своего тела в другом. Внесение семени замещает ему дар выращивания своего продолжения, себя-в-новом существе – как у женщины. Однако это несопоставимые по богатству чувств и метафизическому значению процессы. Мужчины поэтому всегда биологически ущербны, хотя именно это делает их носителями новизны, вариаций. Над ними постоянно висит дамоклов меч знания а priori о малой вероятности оплодотворения, сохранности в дальнейших кровнородственных линиях именно их генетической самости. Социальность и самосознание и становятся их сублимированными формами воплощения. Гипертрофия его, самосознания – ярко выраженные мужские качества, упорно, кстати, навязываемые в качестве главных всему роду людей мужчинами-философами. Озабоченность самореализации производна от полового чувства эфемерности, биологической неукорененности, своей эпизодичности в родовом расписании *homo sapiens*. Страстный поиск бессмертия также очень мужской мотив – главные искатели его всегда мужчины и я не знаю примеров женских поисков бессмертия. Зачем? Они и так действительно физически бессмертны.

Сколько бы мы ни говорили о сублимированных формах мужских воплощений, все же базовым было и остается плотское. Оно же является и архетипом мужского активизма. Воплотить (во-плотить) себя, означает и воспроизвести себя в плоти детей, равно как и для этого войти в плоть женщины. Мужской активизм имеет своей сутью вхождение, вторжение самости или всегда индивидуализированного, неповторимого, но и преходящего, начала – в виде фаллоса-гена – в непрерывность биологического безличия. Причем требуется постоянное поддержание напора или упорство, многократное возобновляющееся повторение, своею возобновляемостью переходящее всегда в агрессию и насилие.

Стремление к совокуплению у мужчин столь сильно, что "в идеале" каждый из них желает обладать всеми функционально и

эстетически приемлемыми особями другого пола. Единолично распоряжаться всеми женщинами в качестве суверена, быть для всех их "единственным". Приближение к этой подспудной мужской мечте – половая практика восточных владык с их гаремами. Вместе с тем, само биологическое исполнение мужчин всегда препятствует сколько-нибудь стабильно-действенной, а не эпизодической, реализации подобной безмерности сексуального аппетита. Мужчина должен ограничиться, остановиться, успокоиться, принять все как есть. Подобное противоречие хотя и вытеснено культурой и рассудком на задворки сознания, постоянно является источником спектра мужского полового мироощущения: *себялюбия, идеализма и рационализма*. Причем в каждом мужчине представлен он весь, разве что с разными акцентуациями отдельных фрагментов и тонов.

Основу спектра составляет себялюбие различных степеней интенсивности. Явление мужского себялюбия, органичного следствия половой ситуации в роде *homo sapiens*, сложно и неоднозначно. Речь не идет о примитивной форме инстинкта самосохранения или нарциссизме. Более того, сохранять-то мужчине по большому счету нечего. Он, в отличие от женщины, лишь эпизод в развертывании рода, малоценная и легко заменяемая добавка к основному процессу репродукции, представляемому центральной фигурой женщины. Поэтому инстинкт самосохранения – это скорее ее базовое чувство, равно как и сопутствующий тому нарциссизм, тотальное самолюбование. Инстинкт самосохранения направлен прежде всего на сохранение антропологической фабрики репродукции – организма женщины. Сохранять мужской организм столь же долго, давать ему такой запас прочности, как и женскому, роду вообще-то ни к чему.

Генетические, подспудные интуиции своей половой второсортности, ауйтсайдерства порождают компенсаторное явление себялюбия как имманентно-антропологическую основу мужского сознания. Всеобщее, закономерное в биологической динамике рода представлено женщиной, мужчина – эвфемизм особенного, преходящего, исчезающе-временного. Однако это исчезающе-временное стремится найти контрформы бытийной легализации, альтернативные, более "лучшие", вернее более "справедливые" для мужчин, чем традиционно-биологические. В этой плоскости рассмотрения цивилизация, дух, интеллигентное – вообще мужское явление.

Мужское *уникализирующее* себялюбие имеет именно антропологически-половое объяснение. Инстинкт самосохранения анонимен, его цель – сохранение базовой единицы репродукции рода, женского тела. Интуиция своей родовой эфемерности вызывает мужской антропологический бунт, мощный и страстный импульс к уникализации своего бытия в других формах. Последнее становится возможным благодаря формированию себялюбия – целого комплекса

смутных чувствований, выражающих специфику пола в потоке людского существования. Это чувства неукорененности, неприкаянности, эпизодичности своего существования, остро ощущения временности между рождением и смертью, обиды на несправедливость и жажда идеалистического вселенского переустройства. Отсюда острая жалость и любовь к себе.

Неуверенность, постоянное гнетущее беспокойство компенсируются *вовне* актами постоянно возобновляемого отчаяния активизма, бессмысленного бунта. Мужчина зачастую дорожит, любит, живет скорее ради своих воплощений, нежели собственно любит и бережет свое тело и жизнь. Он – природный идеалист, создающий часто вместо житейских реалий, свою реальность, в которой он мог бы получить вожделенное воплощение, столь же основательное, как и то, которое получает женщина уже самой принадлежностью к своему полу.

Потому и главное отличие мужского себялюбия, искусственного по своей основе, от естественности инстинкта самосохранения, в том, что оно всегда направлено *вовне*. Другими словами, мужчина любит не собственно себя, а скорее свои воплощения, воплощения своей активности, своего духа, своей неповторимости. Он любит скорее не себя – такого как он есть в действительности, а себя-значительного, себя, прошедшего сертификацию во внешних, т.е. результирующих (пусть и даже в идеальном) следах. Причем "вовне" всегда означает объективирование – телесное, вещное или духовное. Тоже и в отношениях с противоположным полом. Мужская "любовь", если она имеет место быть и отличаема просто от позывов к совокуплению, есть *любовь к своему следу, следу себя в другом человеке*.

Этот след чуть ли не сверхъестественно чувствуется, распознается мужской интуицией. След влияния, основательности запечатлевания в психической структуре женщины образа этого-вот мужчины. Мужчина по-настоящему любит женщину за ее любовь к нему, "себя в другом" – себя, оцененного, взвешенного и найденного значительным, самым главным и неповторимым. Конечно, есть мужские страсти по красивому либо недоступному телу, юношеские страдания открытия мира чувственности, порождающие представления о неумном сексуализме мужчин. Равно как есть также мужские выдумки о платонической любви, выхолощенном и метафизированном эросе, духовном общении-чирикании душ, вводящие в заблуждение либо в глубокое уныние многих людей, с ужасом обнаруживающих у себя полное отсутствие потребностей и умения чирикать.

На самом деле, в мужской чувственности есть и плотская и духовная составляющая. И я не берусь судить о их закономерной пропорции – многое зависит от возраста и антропологического типа. Несомненно многое для мужчины значит физическое влечение,

стремление к соитию именно с этой-вот женщиной. Без этой первой и главной компоненты просто не может быть нормальной мужской чувственности. Но далее и вступает в действие вторая, не менее действенная, при наличии уже осуществления первой, компонента. Она, собственно, и обеспечивает прочность и долгосрочность отношений между мужчиной и женщиной. Это духовно-психологическая компонента – высокая внутренняя оценка женщиной уникальности партнера. Собственно, мы уже заявляли, что в этом и суть женского полового чувствования и настоящий денотат общего современного мнения о "любви". О его антропологических корнях речь впереди. Здесь же отметим, что именно женщина порождает любовь и "инфицирует" ею мужчину.

Но это, неисправимо вовне ориентированное, существо любит только себя-в-чем-то, а в отношениях половой чувственности всерьез душевно захватывается только искренностью восхищения со стороны физически привлекательного партнера. Тогда и возникает благодетельный, постоянно искомый и, увы, не так часто встречающийся, союз плоти и душ. Причем всегда все зависит, в конечном счете, от женщины. Она и возжигает собственно любовь как уникализующее отношение, ибо лишь она способна сертифицировать мужскую неповторимость, обратить мужское самолюбие на саму себя, принять в себя мужчину не только физически, но и душевно. И только этим она обратит себялюбие в любовь к ней. Первое станет эквивалентно второму: любя женщину, любящую его, мужчина не изменяет своей сути, напротив, следует ей глубоко и органично. Он любит себя не только "больше", психоэмоционально с удвоенной силой. Кроме того, и это, пожалуй, главное, его половой порыв к воплощению своей неповторимости находит адекватнейшую и естественную реализацию. Однако, если бы это было правилом, то не имели бы мы и сублимированных форм духа (искусство, философия, религия), отсутствовала бы и богатейшая палитра половой чувственности.

Мужской идеализм, в отличие от женского, тесно связан с другими имманентно мужскими качествами активизма и себялюбия. Экстремум активизма и себялюбия находит свое проявление в экстремуме идеализма – трансцендировании. Трансцендирование имеет своим глубинным антропологическим основанием интуицию о ничтожности человеческого существования, эфемерности и малости отдельного, индивидуального. Трансцендирование или порыв выхода за пределы конечного, предначертанного, установленного – есть очень мужское свойство. Именно мужчине имманентен этот порыв как аутсайдеру родового бытия, чья биологическая ущербность постоянно актуализирует настроение неудовлетворенности, неустроенности, толкающее его к попыткам взлома онтологических границ, отмены несправедливости мирового порядка и создания своего мира. И,

напротив, органичен, естественен консерватизм и конформизм женского мироощущения. Если женское сознание серьезно не трансформировано влиянием эксцессов современного социокультурного процесса (феминизм), то оно спокойно следует пути своего полового Дао. Его стабильность, невозмутимость, внутренняя уравновешенность и великая цель недоступны для понимания несчастных и разорванных существ противоположного пола.

Мужское трансцендирующее устремление в сфере чувственности находит свое выражение в образе *единственной*. В трансценденции "единственной" одновременно присутствуют: и отрицание старого полового расклада и соответствующая метафизика себялюбия. Причем оба эти момента взаимосвязаны теснейшим образом и экстремализованы в идеалистическом типе мужчин: с более живым воображением, обостренной, прагматически ориентированной, интуицией. Отрицание прежнего расклада заключается в отказе от естественного полового индифферентизма (все женщины в принципе эквивалентны в отношении как воспроизведения потомства, так и наслаждения) и формирования идеалистической веры в особую предначертанность себя и своей избранницы. Уникализация себя достигает здесь метафизических размеров, требуя воплощения не в "категории" физически подходящих женщин, а только в одной, чей адрес субъективно случаен и произволен. И часто для самой избранницы это тяжелый случай. Однако именно эти, по существу метафизические садисты, половые деспоты, безуспешно стремящиеся навязать свою беспримерную уникальность своим избранницам, зачастую и создают великие, трогательные и трагические образы людской любви. Они возносят ее на пьедестал духа, устраняя завалы пошлости и вульгаризма. Они сообщают возвышенность и самоуважение казалось бы "просто" партнерам полового взаимодействия. Здесь мы видим парадокс: экстремализация себялюбия переводит его в характерное чувствование противоположного пола – собственно любовь. Потому, вероятно, подобные страдалцы всегда вызывают всеобщее умиление женщин – резонанс чувствований полнейший. Также трансценденцию "единственной" можно рассматривать и как идеализацию-компенсацию активистского индивидуального сознания – индивидуальному телу, органически стремящегося к обладанию всем противоположным полом в качестве единственного суверена.

Стремление к свободе является, таким образом, индикатором высокой степени мужского активизма. И не важно, какой он имеет характер: витальный или разумно-волевой, либо редчайшее и впечатляющее совпадение обоих источников. Это – цвет рода, сливки творчества, ибо творчество без эмансипационной страсти просто невозможно. Но, одновременно, эта часть, собственно и делающая историю и цивилизацию, обременительна для большинства.

Обременительна своими нестандартностью, высокой требовательностью и капризами. Впрочем встречаются и бестолково активные люди, у которых органически-витальный источник "силы" не имеет часто даже рассудочно-житейской самоорганизации. Часть из этих мужчин преследует своими непомерными притязаниями несчастных избранниц, другая же, не видя поблизости идеала, высокомерно третирует весь прекрасный пол, соизволяя, в виде большого одолжения, чисто потребительские контакты. И они действительно самодостаточны: творческий активизм позволяет им создать для себя свою реальность, свои значимости. Воплощение себя не в плотском, а в *идеальном корпусе* рода (культура) имеет умозримо отчетливый всеобщий характер – в отличие от всегда единичного плотского воплощения.

Равно есть и небольшая часть мужчин на противоположном "полюсе", у которой активизм выражен слабо. Коррелированное с активизмом себялюбие также слабо развито. Эти мужчины могут быть как "слабаками", "тряпками", так и глубоко интровертированными, самопогруженными личностями. Однако слабая проявленность базовых мужских качеств (активизма и себялюбия) предстает в общении с противоположным полом как пассивность и женоподобность. Эти мужчины ждут инициативы и выбора от женщин, ориентируясь на их активистскую часть. Их пассивный идеализм превращает "женщину случая" в фатально единственную. Женщины, как правило, не уважают эту категорию мужчин за их бесхарактерность, отсутствие целеустремленности воплощения, суетливость и отсутствие серьезных целей и страстей. Эти мужчины могут иметь какой угодно богатый духовный мир, однако, как известно, любят не за это, а за мужественность: активность и решительность.

Вернемся все же к норме. Полюса активизма и пассивности не вбирают в себя большинство. Его составляют всегда *"солдаты рода"*: в меру активные, но склонные подчиняться общему раскладу, правилам игры. Они не стремятся переделать мир или себя, повернуть армию в другую сторону, хотя и не прочь сделать в армии удачливую карьеру. Они с радостью выполняют приказы рода (веление к соитию), воспринимая их как единственно возможное и достойное. Они полностью удовлетворяются своей ролью в половом раскладе и ревностно стремятся воплотить себя в возможно большем количестве женщин. Солдатский кодекс: братство по оружию, взаимопомощь, доблесть по заслугам – работает здесь полностью.

Не случайно, по-видимому, столь популярен в истории мужчин и в мужской среде *солдатский этос*: солдаты судьбы, солдаты Господа (крестоносцы), солдаты удачи и пр. Значительным и западающим в мужскую душу является образ служения, выполнения опасного долга и важной миссии. Похоже, здесь имеет место быть метафорическая концептуализация мужской функции – предначертанность активного и

по возможности тотального обслуживания базового пола с сопутствующей защитой и добычей средств к существованию. Активизм, граничащий с агрессией, как половая норма, также весьма благоприятствует укоренению милитаристского этоса в мужских душах.

Солдаты любви воспринимают половое взаимодействие как свое призвание, профессию. Отношение соответствующее: и воодушевление, и трезвая расчетливость (рационализм). Коль скоро принимаются основные правила и цели Игры: конкуренция других, равных "братьев по оружию" и необозримый контингент воздействия, то успех обеспечивается индивидуальной смекалкой и умением оптимизировать половое поведение выработкой действенных шаблонов, технологий. Как лучший солдат на поле брани тот, кто обладает искусством сражаться, самообладанием, находчивостью и беззаветной верностью долгу, так же и на поле любви. Рационализация технологий ухаживания и чувственности, сметливость, свежесть и неутомимость, осознанность и гордость своим половым уделом – отличает паладинов любви, нормальное мужское большинство.

В основание женского мироощущения лежит репродукция – производство новой жизни. Женщина – фаворит рода, что прямо противоположно библейскому смыслу приоритета мужского активизма, семени. Женщина – базовое существо рода, над совершенствованием конструкции которого природа изрядно потрудились. Это существо существенно биологически сложнее мужского организма уже только потому, что в ней происходит формирование новой человеческой жизни и зажигается искорка нового сознания. Самодостаточность женщины производна от фундаментальности ее положения в антропологическом раскладе. Смысл ее жизни предопределен ее детородной функцией, даже и в том случае, если ей и не довелось рожать. Ей не надо беспокоиться, метаться, искать зацепки за бытие, воплощения в более долговечные, чем собственная плоть, формы вещественности или объективирования духа. Продолжение ей гарантировано.

Герметизм женского мироощущения определяем совершенно иной ориентацией активности пола, которую предрассудок ошибочно принимает за пассивность. Известная традиционная пассивность классического положения женщины в сексуальном акте часто экстраполируется и на общую характеристику ее существования и на отношения к миру. Конечно же, это историческое заблуждение. Подобное мнение действительно выражает, как справедливо в данном случае указывают феминистки, "фаллоцентризм" – восприятие половой ситуации через очки вульгаризованного (и соответствующим образом "героизованного") мужского сексизма.

Любой непредвзятый мужчина скажет, что женщины не менее активны, а скорее даже и более, чем мужчины. Но активность эта другая, другой ориентации. В основании мужского активизма, который, собственно, и стал денотатом понятия "активность", лежит половой архетип разбрасывания семени, поиска все новых и новых объектов воплощения. Потому и понимается под активностью такой способ бытия объекта или его состояние, для которых характерно: воздействие вовне, проникновение вовне, изменение либо преобразование посредством передачи, разброса энергии и частей этого объекта. Главное здесь – ориентация вовне, перенос, внедрение, преобразование, постоянство перевода аккумулируемого внутри (семени, энергии, замыслов) во внешние формы.

Женская активность, в ее антропологически-видовом контексте, не столь расточительно бессмысленна. Такие энергозатраты женщина себе позволить просто не может. Они нужны для реализации высшего антропологического смысла ее бытия. Активность женщины неизмеримо больше по своему внутреннему энергетическому потенциалу. Больше потому, что она по своему предназначению должна обеспечить *воспроизводство другого (своего ребенка) в себе*.

Потому она органически не может так же феерически-бездумно разбрасывать свои силы и энергию, как это делает мужчина: моя жизнь, что хочу, то и делаю, тем более, что жизнь дается только раз (и мужчине действительно она дается только раз). У женщины жизнь не только ее, но и ее возможных детей, она не может также ей распоряжаться, как то делает мужчина. И жизнь у нее не одна – ей дается потенциально еще несколько жизней, жизней ее детей. Она сама же переживает их начала в себе и переживает каждый раз такое же новое рождение и себя. Не говоря уже о том, что ее плоть продолжает жить потом и в детях. Воистину бессмертное существо. Понятно, что женщинам практически не требуется рождение в духе.

Ее активность, питаемая, кстати, во многом также и "извне", *самозамыкается, свертывается в энергетический кокон, ее окружающий*: для себя и своего окружения, способствующего реализации ее репродуктивной функции. В этом аспекте настоящие, можно сказать "зоологические" эгоисты – как раз не мужчины. Но здесь зоология – биологический смысл существования вида homo.

Эту самозамыкающуюся, функционально-родовую активность можно назвать **заботой**. Забота означает активность оптимизации, стабилизации, направленную "внутри" круга: своего значимого окружения и собственно себя. Однако главное отличие мужской активности воплощения от женской активности воспроизведения другого-в-себе не в различиях ориентаций (вовне/внутри), которые, разумеется, достаточно условны (откуда смотреть). Мужской активизм – активность сдвига, отклонения, возмущения; женская забота –

активность баланса, сохранения гомеостаза. Потому забота – это активность сохранения базовых условий репродукции, активность *контроля* над ситуацией.

Забота, имеющая корневой основой воспроизведение другого-в-себе, и определяет герметизм женского мироощущения. Это означает общее приятие, согласие с жизненными правилами и основами устройства социума и вселенной. Женская активность направлена на обеспечение устойчивости и самодостаточности ближайшей зоны своего существования: всегда имеет условия и гарантии репродукции в любое востребуемое время. Даже если и проходит репродуктивный возраст женщина от природы всегда настроена на создание условий для воспроизведения.

Герметизм выражается в некоторой дистанцированности, отстраненности женщин от активных мужских игр политики, идеологии, науки, религии и философии. Это не означает, что женщины в них не участвуют. Участвуют, и более того, часто достигают впечатляющих успехов. Однако вряд ли непредвзятый читатель будет отрицать, что все-таки почти абсолютное большинство достижений в этих сферах связано с мужчинами. И дело здесь вовсе не в природной ущербности женщин или в том, что женщин вплоть до XX века терроризировали и не пускали в большую жизнь злокозненные деспоты-мужчины.

Представляется, что глубинная причина имеет тот же антропологический характер: в различии активности мужской и женской, их соответствия природе социальных процессов. Многие престижные сферы общественной деятельности и мышления построены по мужским стандартам, критериям и правилам. Именно мужчины достигали и достигают здесь больших успехов. Но почему? Похоже все дело в активной, страстной отдаче мужчинами своих сил, времени и жизни для достижения максимального *воплощения* себя в деле. Здесь себялюбие мужчин, т.к. делают они это по своим личным мотивам своего увековечивания, закрепления именно себя в более долговременных материалах существования. И, напротив, женщины – это накопители активности, энергии. Не для себя, не для индивидуальной, этой-вот "самости". Скорее всегда для другого – в глубинном смысле: для обеспечения оптимальности главного процесса физического воспроизводства рода. Но из того и следует, что женщина никогда не может отдать себя всю без остатка профессиональному делу. Внутренние, природные "реле" не позволят ей это сделать, даже при имеющейся сознательной устремленности. Отдать себя без остатка она может только своему ребенку – и в качестве временного, переходного к ребенку, объекта, мужчине. В деле же, как известно, достигает успеха талант и страсть.

Достигшие профессионального успеха женщины, это, *во-первых*, конечно же, высококвалифицированные специалисты, но, *во-вторых*, и это главное для достижения успеха в традиционно "мужских"

областях деятельности – искусные имитаторы. Наиболее проницательные женщины прекрасно отдают себе отчет в том, что достичь успеха в мужских играх можно лишь в том случае, если представить себя в плоскости мужского этоса: активизма, бескорыстия познания или "общего дела", самоотречения страстного поиска истины или справедливости. Искусная имитация, часто неосознаваемая, плюс природное очарование оказывают всегда желаемое действие – мужчины попадаются на удочку, относясь к оценке достижений обаятельного коллеги не столь придирчиво, а порой и примысливая новое достоинство от себя.

Таким образом, основная причина того, что женщины слабо представлены в исторических, интеллектуальных деяниях человечества заключается в том, что это им, по большому счету, вообще-то и не надо. Конституция пола ориентирует их сознание на другое мирочувствование. У них нет мужской страсти к индивидуальной свободе, свободе своего эго, напротив – их тянет окружить заботой, контролем, герметизировать свое существование. Разумеется, и женщины борются за свои права, свободу – но свободу пола (феминизм). И они стремятся улучшить свое существование, но в этой, данной реальности – наилучшим образом приспособиться к ней, а не приспособить ее к себе. Создать свой оазис, свить гнездышко, куда включаются основные ингредиенты герметичного и самодостаточного мира: ребенок, муж, родители, родственники, друзья. Это – цель, прямо осознаваемая или маячащая на периферии сознания, остальное – средство. Конечно, в семье не без уродца. Как в сильном поле есть "слабаки", так и в прекрасном – мужеподобные по конституции сознания. В отличии от "обманувшихся" модными веяниями, обаянием и высоким престижем мужских ценностей, короче – "блудных дочерей", рано или поздно возвращающихся на адекватный путь пола. Это вовсе не означает прокламирования женского удела: *Kuche, Kirche, Kinder*. Хотя и в этом нет ничего зазорного. К чему стремится соревноваться, имитировать, пытаться доказать абсурдное "и мы можем"? Это означает играть по правилам и по критериям другого антропологического стиля – и потому заведомо оказываться в положении "вечно догоняющих", смотреть на мир мужскими глазами. Похоже необходима серьезная концептуализация всего своеобразия женского мирочувствования – без оглядки на мужские ценности. Правда для этого надо, опять-таки, сделать "мужскую работу" – значит играть по правилам противоположного пола. Заколдованный круг.

Идеализм как атрибутивное свойство человеческого разума, выражен у женщин специфичнее, чем у мужчин. Он, как правило, гораздо менее радикален – в плане отрыва от повседневности. Под идеализмом понимается потребность и способность человеческого разума улучшать, "подправлять", а то и переформировывать в

воображении образ реальности. Для того, чтобы ее, реальность, легче было переносить. Для того, чтобы оставалась надежда на лучшее. Для того, чтобы сам человек воспринимал себя значительнее, умнее, удачливее, чем то есть на самом деле.

Мужской идеализм в целом более радикален – требования воплощения имеют своей задачей воздействие, преобразование части реальности. И если она не поддается изменению сама по себе, то выходом остается изменить ее образ в сознании – и уже изменять ее в таком, идеалистически-трансформированном состоянии.

Экстремализованный идеализм – трансцендирование, означает вообще попытки выйти за рамки естественного строя вещей.

Рефлексии-дубли этих попыток создают миры Брахмана, Дао, Бога, Единого, абсолютной идеи.

Женский идеализм не выходит в основном за рамки окружающей действительности. Мышление женщин прочно укоренено в своем окружении. Его мало трогают радикальные фантазии и далекие миры, но живейшим образом волнуют старые как мир бесконечные версии Золушки и принца, Ромео и Джульетты и пр. Известная женская страсть к "мыльным операм" и сериалам демонстрирует особенности их идеализма: "спрямлять", "подправлять" действительность, отнюдь не изменяя, принимая ее основы как безусловную данность. Она лишь соответствующим образом ретушируется: в пользу "своих" и в ущерб "не нашим".

Особенности активности и идеализма женщин порождают специфическую разновидность их рациональности, также атрибутивного свойства человеческого разума. Рационализм мужского мышления имеет *инструментальный* характер, а значит понятийные формы обладают отчетливостью, а фиксирующее внимание способно их удерживать в отстраненности от остального содержания (эмоции, образы). Другими словами, рациональность мужского разума означает способность подходить к решению проблем более бесстрастно, взвешенно, отделяя мотивы оценок, страсть по проблеме и саму жизненно-практическую проблему. Это связано с общим инструментальным характером мужской активности – она всегда средство для получения результата: успеха воплощения. Способность к трансцендированию, попыткам выйти за пределы, рамки действительности, встать над ней, рядом с ней, хотя и никогда не приводят к желаемому, но позволяют мужскому мышлению четко различать: должное и сущее, общее и особенное, желаемое и действительное, причину и следствие, постоянно удерживать эти различия. В основание высших форм рефлексии (критической и метафизической) лежит, тем самым, именно способность к трансцендированию: универсальное сомнение и попытки охватить все сущее взглядом "как бы из-за пределов сущего". Все это обеспечивает в идеале последовательность, высокую степень артикуляции

содержания мышления, стабильность и ясность мужского рационализма.

Женская активность не инструментальна, а *экзистенциальна*. Ей важен не результат сам по себе, а более состояние, сопряженное с результатом. Ее идеализм не оторван от жизни, в том плане, что женские фантазии редко, но случаются в нашей повседневной действительности. Женщина более *живет реальностью*, чем *размышляет о ней* вне контекста своего ближайшего значимого окружения. Потому женщины лишь моментами могут отстраненно относиться к своим проблемам, различать и удерживать проблемное личностное состояние и саму проблему. Ее рациональность, таким образом, не имеет того оторванного от практического интереса характера, позволяющего предаваться теоретическим построениям, равно как и она не обладает самодовлеющим орудийным характером, напротив – конкретна и ситуативна. Но это рациональность, т.е. самоорганизация своей активности по определенным, оптимизирующим ее правилам, нормам, целесообразное ее упорядочивание. Слитность же находимых женщинами рациональных методик с состояниями переживания своих проблемных ситуаций приводит и к неартикулированности содержания их мышления. Отсюда представления о эмоционально-образном характере мышления женщин, жизни эмоциями нежели рассудком. Однако, как представляется, это не так.

Рациональность есть рациональность и она имеет понятийную текстуру. Вместе с тем, необходимо указать на специфику вырабатываемых самостоятельно женским мышлением понятий. Они либо ситуативно-конкретны, выражая скорее ее мирочувствование, чем позицию, либо, напротив, застывши в непререкаемости авторитета абстракций. Вообще женщины чувствуют себя неуверенно в понятийной области и склонны более пользоваться, примерять на себя, имитировать мужскую рациональность. Находятся же они на "территории мужской рациональности" более по профессиональной необходимости, чем по склонности, с облегчением оставляя ее при первой возможности. Суммируя вышеизложенное, можно назвать стиль женского мышления "*практической интуицией*". Это означает, *во-первых*, его сращенность с повседневностью, и, *во-вторых*, доверие скорее своим чувствам нежели рассудочной оценке, к которой прибегают по необходимости.

Разные манеры бытия существования порождают и разность форм самовыражения: мужчины стремятся воплотить себя вовне, в чем-то, результатах, успехе. Женщины склонны выражать себя собой же, через свое тело, самовыставление внешности. Как у мужчин на первом плане самоудовлетворенность, жизненный успех, и на втором месте внешность, так наоборот у женщин.

Итак, мы видим существенные различия в характере жизненной активности обеих полов в зависимости от их роли в родовой репродукции и соответствующие различия их мироощущений. Этот вывод не ущемляет чьи-либо интересы, не оценивает, а констатирует, пытаюсь остаться на позициях взвешенности и нейтралитета. Другие же подходы имеют на себе явственный отпечаток либо пристрастия, либо ханжества. Либо половой экстремизм, прямое или подспудное прокламирование каких-то преимуществ и совершенств одного из полов, либо благочестиво-гуманистические рассуждения о полном равенстве homo sapiens во всех сферах жизни, а по сути – тождестве в ментальной, эмоциональной, жизненно-мотивационной сферах. Предполагается, что равенство как социокультурная, политическая цель гуманистического развития (с чем никто и не спорит) имеет бесспорное и очевидное обоснование лишь в возможно более полном философском приравнивании обеих полов по параметрам чувств и мышления. Конечно, для психологов это не так, но психологические различия признаются менее значимыми и влиятельными, чем, к примеру, предполагаемое волевое и ментальное тождество.

Между тем, как следует из наших рассуждений, это неверно и отражает "страусиную позицию" абстрактного гуманизма (как, кстати, и в вопросе о "равенстве" способностей людей вообще). Парадоксально, но сложилось так, что оценивание характера жизнедеятельности, мышления полов идет в шкале мужских ценностей, которая, так уж сложилось, неявно отождествляется с "человеческой природой". Это такие ценности, утвердившиеся особенно в последние два-три века в нашей цивилизации, как преобразовательный активизм, стремлению к оригинальному самовыражению, инновации, рационализм. Потому и попытки концептуализации специфики женского полового поведения, мироощущения и мышления тотчас начинают восприниматься как философская дискриминация. Если исследователи видят, что у женщин слабо или по-другому представлены некоторые яркие мужские лидерские черты, присутствуют какие-то совсем другие, то на это стараются закрыть глаза – себе дороже, еще примут за примитивного сторонника патриархата. В психологии есть различия, но они выражают скорее особенное и индивидуальное, в способах мироощущения и мышления – всеобщем, антропологическом различий быть не может. Тем более, что абсолютное большинство философов-творцов самобытных учений о человеке и мире – мужчины, для которых вполне естественно чувствовать и мыслить мир по-мужски, которые вряд ли особо задумывались о особенностях своих прекрасных и молчаливых (по философским вопросам) спутниц. Человек как таковой отождествлялся во многих гуманистических философских учениях с мужской манерой бытия и мышления, да еще и ярко выражено лидерской.

Несмотря на все эти разъяснения трудно говорить о существенных половых различиях помимо физиологии и не быть заподозренным в скрытом лоббировании интересов своего пола. Между тем определенный нейтраллизм все же возможен, если мы хотя бы на время сознательно отрешимся от тотальной маскулинной установки (которая присутствует неявно и у большинства женщин) на метафизическую ценность мужской манеры бытия и мышления. Тогда, ожидая благожелательного и заинтересованного в новом и беспристрастном внимания, можно вполне серьезно говорить о равноценных, хотя и разно ориентированных, формах активности и мышления. Иначе как понять, вне предрассудков либо навязчивых благостных иллюзий, чувственность между полами, которая создает самое нас и в физическом и духовном отношениях.

Для наглядности сведем выявленные различия полов в простенькую таблицу, которая демонстрирует их разные манеры бытия и мышления, зависящие от антропологического расклада в размножении.

<i>Женская манера бытия и мышления</i>	<i>Мужская манера бытия и мышления</i>
воспроизведение другого-в-себе, активизм герметизма	воплощение вовне, внедрение
забота, контроль	себялюбие
идеализм приукрашивания действительности	идеализм трансцендирования либо долга
практическая интуиция	рационализм

Столь разные по конституции сознания не могут не испытывать проблем взаимного восприятия и понимания. Необходимо сильнейшее органическое притяжение, дабы преодолеть этот разлом между полами. И половой инстинкт неумолимо влечет две столь разные половинки рода к соединению.

Наиболее беспокойная и динамичная половинка приковывается цепями безудержного сексуального влечения. Влечения, затмевающего мужской рассудок, заставляющего превращаться в покорного раба, чья грудь раздираема страстями обладания. Причем речь не идет о элементарной похоти. Лейтмотив совокупления лишь наиболее мощный аккорд в симфонии чувств, рождающихся трансцендирующей способностью мужского мышления. Именно она сообщает трепетность чувственным переживаниям, романтизирует объект вожделий, придает ему черты возвышенности и неповторимости. Причем рано или поздно любой мужчина пускается в "ритуальные пляски" романтического увлечения одной из женщин, хотя

при этом понимает остатками хладного рассудка и абсурдность своей страсти.

А что говорить о жизненном тайфуне, производимом включившимися на полные обороты половыми железами подростка, юноши? Забавно иной раз слушать мужчин средних и более лет, поучающих юношей любви духовной, контроле над телесностью. Они самодовольно полагают, что уж они-то умудрились и поняли. На самом деле их железы просто работают уже не столь интенсивно. Страдания Ромео и Вертеров производны от порыва чудовищной органической силы, усиленной многократно развитой трансцендирующей способностью (романтизации и уникализации возлюбленных). Они фиксированы гениями пера в максимуме напряжения половой чувственности, юношеской незатертости и самозабвенности идеализации. Схвачены и остановлены навсегда в этом, потрясающим воображение, великолепии жизненного гейзера сексуальности и идеализма. Схвачены и остановлены, увы, смертью. Оставаясь как бы навсегда символом возможной божественности одного из животных начал в человеке. Ясно, что и это такая же идеализация: устрани роковые препятствия, смерть – и наши Ромео с Вертером превратились бы в добропорядочных "паладинов любви".

Таким образом, чтобы ни говорили мужчины, но главное, что привлекает их в женщинах – это красивое лицо и тело. На втором месте стоит способность женщин любить и заботиться о них, искренне ценить их самобытность и яркость, успехи. Нежная душа, покладистый и ровный характер, способности создавать домашний уют и пр. – качества приветствуемые, но не приоритетные.

Красота и сексапильность женщин – как огонь в ночи, привлекающий стремящихся к нему, во многих случаях себе на погибель, ночных мотыльков. Красота и сексапильность – зов к совокуплению, зовущий мужчин как волшебная дудочка, повинуюсь которой они внезапно лишаются воли и готовы идти куда-угодно. В присутствии красивой и сексапильной женщины у мужчины не может не возникать физического влечения, которое он может скрывать с разной степенью успешности, но которое изменяет его поведение, что заметно тренированному наблюдателю. Каким бы пуританином и выдержанным не был мужчина, но глубины своего естества он изменить не может. Женщина, чья красота и чувственное обаяние соответствует его природному эстетическому вкусу (походка, манера держаться, значимые черты внешности) шоково влечет к себе. И влечет, конечно, не просто абстрактно красивая плоть, а плоть, соразмерная внутреннему чутью мужчины. Затем, разумеется, вступает в действие второй важнейший, уже скорее стабилизирующий, фактор – импонирует ли этот мужчина своей избраннице взаимобразно настолько, чтобы она смогла его воспринимать как самобытность. Это ведь, по сути дела, главное

женское достоинство для мужчин, которое невозможно подделать. Без этой способности, совпадающей с понятием "женская любовь", красивая женщина останется лишь красивой куклой, нужной мужчинам лишь для чувственных утех. Себялюбие, обнаружившее резонанс себе в душе другого, самогасится: не нужно уже ничего никому доказывать – ты оценен и увековечен в любви любимой, остается задача сохранять и поддерживать этот священный духовный огонь.

Другую половинку притягивает нечто другое. Сексуальные аппетиты у большинства женщин несравненно более умеренны, чем у мужчин, появляются позже и стоят на втором плане их чувственности. Они не чураются секса, однако для них он имеет несколько иное значение, нежели чем для мужчин. Первоначально на первом плане у них стоит отнюдь не чувственное наслаждение, а наслаждение от того эстетического эффекта, который производит их внешность на значимых мужчин. Они хотят любви как возможности доверчивой заботы: вверяя себя любимому – установить плен сетей нежности, а по сути контроля над совместным существованием.

Влечет же другую половинку к своему alter ego исконно-родовая интенция на воспроизведение себя-в-себе, где мужчины – средство либо, в лучшем случае, прообраз подлинного и по-настоящему единственного, ее ребенка. Конечно, отсвет глубинной любви к детям ложится и на мужчину, дающим семя и пропитание, но это уже ослабленный и умиротворенный отсвет самородного и безусловного. Напоминаем, мы рассуждаем о антропологической норме, исключая эксцессы среди женщин.

Какие качества влекут женщин к мужчинам, помимо скрыто-глубинного зова материнства? Если женственность женщины в ее красоте и чувственном обаянии (причем часто второе с лихвой компенсирует слабую выраженность первого), то мужественность (мужество) – основное мужское качество, притягивающее женщин.

В мужественности телесные параметры гораздо менее значимы, чем в женственности. Хорошо известно, что среди мелких, невидных, щуплых либо тучных, неказистых, нескладных с первого виду мужчин встречаются кремень-характеры, сами воплощения энергичности и целеустремленности. Равно как и наоборот. Так что же такое мужественность? Это квинтэссенция мужской манеры бытия: Решительность и страстность в своих делах, стремление к приоритету, успеху, ярко выраженное самосознание (знание себя, самоуверенность), следование долгу либо служение идеалу, рациональность и уравновешенность. Огонь мужественности в ночи одиночества влечет к себе бабочек так же, как и мотыльков: безответной женской любви столь же немеряно, сколь и мужской. И женское поведение меняется в присутствии значимого мужчины, к которому женщина испытывает вначале скорее душевное, психологическое влечение, ее же сексуальность не столь

непосредственна и "у поверхности", как мужская. Затем, как и у мужчин, при продолжении сюжетной линии полового взаимодействия, на первый план выходит также второй, стабилизирующий, фактор. Если эта женщина привлекает своего избранника всерьез своей внешностью и чувственным обаянием, то эта серьезность всегда сквозит в мужском неподдельном любовании и восхищении. Блеск его глаз, умиленность и жадные взоры утверждают женщину в ее самовыражении: она единственная и неповторимая, она лучше всех.

Таким образом, амбивалентность антропологического существования в равной степени порождает любовь и вражду, непонимание, неприязнь и стремление к слиянию. С одной стороны, человеческий род расколот на два пола – существ достаточно отличных друг от друга, с другой – сила взаимного влечения настолько сильна, что создает общность, названную в Библии: "и будут двое одна плоть". Общность создается через конфликты и взаимную притирку. Однако конфликтность в отношениях чувственности между мужчинами и женщинами *естественно укоренена*, Ее не может не быть. Это не временная трудность, социокультурно обусловленная проблема: вот достигнем социально-экономического, политического "равенства" и все будет решено; или – уясним различия женской и мужской психологии, физиологии сексуальных отношений и проблема будет решена.

Конфликтность естественно укоренена в разности базовых ориентаций, манере существования, которые обусловлены антропологическим предназначением. Скажут: ну все это абстракции, имеющие мало отношения к бесконечной конкретике проявлений реальных мужчин и женщин. С одной стороны это возражение верно – посмотрите на окружающих: все озабочены казалось бы совсем разными, сугубо конкретно-жизненными делами, не до абстракций. Но с другой стороны, присмотритесь внимательнее и увидите – при все большем сравнении, возрастающую похожесть женщин между собой и мужчин. И чем больший отрезок биографии берется, тем более явственно проступают общие поведенческие черты пола. Как бы были мы индивидуализированы, духовно развиты, но через тело, психику и половую конституцию сознания мы прикованы к своему полу и можем лишь несколько ослаблять эту цепь: самоконтролем и критическим противодействием совсем уж бурным в своей неприличности позывам плоти.

Естественность конфликтности в отношениях полов, являющаяся следствием антропологических различий, дополняема необоримостью ориентации на поиск полового партнера и совокупление с ним. Все это и порождает взрывчатую смесь самых противоположных импульсов, вместе составляющих феномен чувственности. И большинство людей оказываются неготовыми к пониманию важнейшей для каждого общечеловеческой ситуации

поиска своей половинки. В известной степени житейская мудрость отрефлектировала существенные различия между полами в афоризмах, житейских анекдотах, наблюдениях (типа: "мужчина любит глазами, женщина – ушами" и т.п.) Также прав был и Фрейд, говоря о об ужасающей половой безграмотности большинства. Нам особо это понятно, помня наше недавнее прошлое, ненамного отличавшееся от викторианской ханжеской морали Европы начала XX века. Но ни знания житейской мудрости, ни половое просвещение не готовят людей по-настоящему к осознанию антропологической ситуации любви. Это обусловлено двумя причинами.

Первая, фундаментальная, заключается в том, что люди не уяснили себе серьезность половых различий и необходимость соответствующего серьезного изменения общественного мнения по этому поводу. Различия полагаются физиологические, психологические, но не антропологические. Нельзя сказать, что об этом не говорили ранее, не задумывались над этим. Однако, это были лишь одинокие голоса в стройном хоре, поющем о "человеке как таковом" (особенно в философии), но отнюдь не, хотя бы, о "женщине как таковой" и "мужчине как таковом". Подобная неявная установка на единый стандарт в поведении и мышлении реализовалась первоначально в приписывании мужских предикатов антропологического бытия этому "человеку как таковому". В итоге имеет место "маскулинноцентризм", ярчайше проявившейся в библейской заповедях (типа: "не возжелай жену ближнего своего", где жена как бы всего лишь атрибут человека, "ближнего"). В наше время, правда, возобладает тенденция метафизической экспансии в философской антропологии концептуализаций феминного мироощущения: доместикация части объективной реальности в особую, домашнюю сферу человека (трансцендентализм), ее герметизация; определение сущности человеческого бытия как заботы (Хайдеггер); понимание любви как умение отдавать любимому себя, переживание экзистенциальной самобытности партнера (Фромм) и др.

Но я не могу назвать ни одно философско-антропологическое либо экзистенциальное учение, в котором как-то серьезно, осознанно и взвешенно бы обсуждалась подобная метафизическая амбивалентность человеческого существования. Не говоря о том, что для традиционной философии сама постановка этого вопроса была неуместной. А как бы ни третировали философию, она была и остается поставщиком универсальных образов мира, являющихся как результатом индивидуальной творческой рефлексии, так и концептуализацией необъятного микрокосма значений повседневности. Потому человек воспринимается как принципиально гомогенное существо, между тем как речь должна идти о симбиозе двух подвидов мыслящих существ, дуализме и слиянности рода (а не

только двух отдельных людей: "предел любви – да двое едины будут").

Вторая причина отчасти проистекает из первой. Половая парадигма гомогенности людей неявно устанавливает восприятие интересующего вас объекта противоположного пола *по собственной мерке*, своему полу. От него глубинно психологически и ментально ждут тех же реакций, чувств, эмоций, мыслей. Но подобное эмпатическое проецирование деятельности другого по своей мерке не проходит – получается совсем иное: интересующий нас человек ведет себя иначе, для нас неадекватно. Имеет место, конечно, взаимный мимезис (подражание) и приспособление полов друг к другу (девчоночьи компании знают темы и интересы мальчишечьих и наоборот). Однако когда люди оказываются в чувственном tet-a-tet в предбрачном и брачном состояниях, тогда только они начинают индивидуально чувствовать и понимать свою отличность друг от друга. Лишь находясь длительное время в счастливом браке, пройдя многочисленные рифы и бури семейной жизни, люди начинают понимать другой пол. Это не означает "принять" ценности и интересы другого как свои – такое практически невозможно многим в силу глубоких различий. Скорее речь идет о том, чтобы сочувственно терпеть, принимать как причуды, странности, умиленные слабости любимых, относясь к ним снисходительно. Мы знаем, как правило после неоднократных, по наивности и горячности молодости, безуспешных попыток с обеих сторон перековать свою половинку "в свою веру", что самое лучшее – это "мирное сосуществование на принципах плюрализма".

Таким образом, проблемность человеческой чувственности, традиционно обозначаемой как "любовь" укоренена в антропологическом естественном расколе. Вместе с тем, общность и взаимопонимание, устанавливаемые посредством потребностей: в регулярном совокуплении, воплощении и воспроизводстве себя, закрепленные в социальных институтах брака и семьи, серьезно стусеживали различия. Не может быть слиянности без радикального различия и конфликтности.

Древние это прекрасно чувствовали: в мифах самых разных народов мы сталкиваемся с концептуализацией половых различий в космологические, соответствующие тогдашней манере постигать весь мир через проекцию на него человеческих качеств. Наиболее четко можно видеть это в китайской мифологии, где "инь" и "ян" выражают текстуру и смысл мироздания. Инь — символ женского начала, севера, тьмы, смерти, земли, луны, четных чисел. Ян – мужское начало, юг, свет, жизнь, небо, солнце, нечетные числа. Эти начала дуализируют, *равноправно и равнозначно*, четко и отлично, мироздание. Однако суть космологического процесса – взаимодействие и кульминация слияния.

Человеческая чувственность подобна безбрежному океану, содержащему в себе все мыслимое и немислимое. Это древнейшая и приоритетная область человеческой жизни и миллиарды ее перипетий вряд ли поддаются даже самой развернутой классификации, хотя таковые и популярны. Чувственность есть взаимодействие двух противоположных по ориентациям полов, потому здесь всегда укоренена *борьба*, присутствуют состязательность, подчинение одного другому, взаимонастройка. Доминирование в чувственности тех или иных указанных характерных моментов зависит от меры проявленности во взаимодействующих людях базовых качеств пола, *их силы*. Есть мужчины и женщины, акцентированно ярко выражающие фундаментальные особенности пола, а есть и бледные, анемичные создания, в определении пола которых природа явно затруднялась. Большинство, конечно же – это норма: не слабаки, но звезд с неба явно не хватают. Небольшая часть трансвеститов с обеих сторон (в ментальном отношении) всегда ищет счастья там, где их никогда не может быть. Соответственно, перечисленных половых категорий вполне достаточно, чтобы говорить о потенциальной бесчисленности возможных комбинаций чувственных судеб.

В житейской конкретике много явлений несчастной, безответной любви, в нашей идеальной модели мы имеем дело в двумя активными, стремящимися друг к другу с обоюдной страстью, сторонами.

Воистину, это одно из самых прекрасных зрелищ в нашей, не так уж и богатой событиями и чувствами, жизни. Сначала внешне уверенные в себе и самодостаточные, но уже по сути потерявшие себя в прежнем качестве, они сближаются, демонстрируя перед "противником" свои достоинства и силу, грозно и спокойно "разят" друг друга, выказывая пренебрежение ударам противостоящего. Но странно: независимо от инициативы и преимуществ слабеют в равной степени оба – с тем, чтобы обоюдно сдаться на милость друг другу.

Итак, каковы же этапы динамики чувственности в некоем образцовом варианте? Сущность чувственности, как бы не наряжали ее в романтические облачения, не приписывали ей аксессуары духовности, вообще-то *узко-эгоистическая*: избирательное соединение именно с этим человеком. Скрыто-имманентная цель всего этого действия – обладание либо забота-контроль над человеком и потому здесь всегда присутствуют *собственнические вожделения*: как со стороны мужчины, так и со стороны женщины. Даже примеры якобы бескорыстной любви, заключающаяся в пожеланиях, если они не лицемерны, "быть счастливым с другим" – не альтруизм и возвышение чувств, а акт отчаяния, неосознанное желание удержать любимого посредством демонстрации великодушия, широты души.

Конечно, собственнические поползновения здесь не сопоставимы с алчностью: отношениям к неодушевленным предметам

и живым созданиям, имеющим неразумную природу. Они соединены в данном случае с нежностью к объекту вожделения, т.е. отношение "иметь" дополняемо и стремлением "быть" совместно с ним, что определяемо самим характером дополнительности двух половых половинок. Природа полового стремления, а не только отношений чисто-бестелесных сознаний, именно в серьезности и радикальности намерений соединить свои тело и душу с этим-вот человеком на всю свою жизнь. Если обоюдно направленный интерес действительно основателен, не порхающе сиюминутен в переборе бесчисленных четок наслаждений или выгод, то чувственность не может не иметь характера постоянной борьбы за обладание этим человеком всецело, без остатка, даже без намека на возможность "поделиться" с другими.

Плюрализм и толерантность в отношениях между полами – симптом их несерьезности, синоним фривольности и промискуитета, *животной заместимости "кем-угодно"*. И, напротив, сильная избирательная увлеченность, стимулирующая активность борьбы за внимание этого человека – в том числе и с этим человеком – за навязывание ему себя в качестве единственного (ой), есть уже скорее типичное, идеализирующее явление *сознания*. Потому мы не случайно, а намеренно используем для описания модели чувственности соответствующую терминологию состоятельности, борьбы, собственнических устремлений.

Начало возгорания чувственности между людьми являет собой интереснейший и сложнейший антропологический феномен. Любой человек, испытавший его, согласится с тем, что переживания, сопровождающие *наше первое столкновение*, а лучшего слова не подберешь, с роковым для нас объектом, принадлежат к самым лучшим, остро-сладостным мгновениям нашей жизни. Собственно сама их возможность и случаемость для каждого должна возмещать нам остальную тьму боли, страданий и серости нашего повседневного существования.

Если и есть волшебство в рациональной упорядоченности строя нашего мироздания, то оно происходит с нами в момент **запечатлевания**. Без него невозможна настоящая, серьезная чувственность (любовь), страсть между людьми. Запечатлевание – это не только метафора, но и попытка концептуализации классического человеческого явления, свойственного всем временам и всем народам.

Нельзя отрицать неотъемлемой романтизации, придаваемой моменту запечатлевания хором сладкоголосых соловьев человечества: "чудное мгновенье", "сражен стрелой Амура", "остолбенел", "запал в душу", "поражен в сердце", "искра меж нами" и бесчисленно в том же духе. Обширна и гамма состояний-чувств, сопровождающих запечатлевание: радостное изумление, неожиданное расслабление, временная поведенческая

дезориентация, жадное визуальное впитывание-запоминание черточек захватившего вас лица, тела, походки. Тут же возникает устойчивое, непреодолимое влечение к этому-вот человеку, потребность быть с ним, т.к. душа насыщается радостью ласкания его взором, звук его голоса умиляет и делает вас размягченными и нежными. И здесь же, "рядом", "под" – дремлющая страсть, замирающая в предвкушении пронзительной плотской сладости и огненно ноющая в чреслах. Потом придут вожделение, стремление к ласкам и совокуплению.

В чем природа феномена запечатлевания? Вероятно, это не только собственно человеческое явление. Высокая брачно-эротическая избирательность есть и среди животных, птиц. Более того, запечатлевание связано не только с размножением, но и вообще со спецификацией жизненно-значимых объектов. Хорошо известны опыты с "подсадными матерями" у некоторых птиц, когда объект, находящийся у вылупленных яиц, запечатлевался новорожденными птенцами как "мама".

Запечатлевание, таким образом, выполняет функцию специфицирующего жизненного определения, дающий общему жизненному порыву (самосохранение, половое стремление) *индивидуальную ориентацию*. В окружающей, сплошной до того среде, выявляются жизненные значимости – через фиксацию в психике, сознании посредством запечатлевания. Запечатлевание создает рисунок фундаментальных значимостей, лежащий в основании той или иной животной либо антропологической "реальности".

Без фиксации невозможно и установление сколько-нибудь крепкой чувственной связи между людьми. Такой, которая бы стирала рассудок, разум, социальные условности и бросала людей в чреватые детьми связи. Через запечатлевание природа (род), как и ранее до человека, *связывает, помечает*, бросает в объятия друг друга производящие пары.

В рассудочных половых связях люди осторожны и расчетливы, удовлетворяя свой инстинкт аккуратно и без нежелательных последствий. Запечатлевание лишает человека присущего ему разума, превращая его в брачующееся животное, охваченное ненасытностью жажды продолжения рода. Грандиозность силы запечатлевания заключается в фокусировании полового интереса (потенциально адресованного ко всем, пригодным к спариванию) на одном объекте.

Запечатлевание – *явление сознания*, в широком смысле этого слова, но с элиминированием интеллекта. Запечатлевание, как следует из этимологии термина, есть прежде всего *визуальная интервенция* поражающего нас облика – на фоне бурной встречной заинтересованной активизации психики. Также значимо и "звуковое

сопровождение", вернее явление облика через звуковую форму выражения. Известны редкие люди, производящие сильнейшее сексуальное впечатление на противоположный пол своим исключительно богатым, красивым, как бы живущим своей отдельной внутренней жизнью, голосом. Часто при заурядной внешности, да и душе. Остальные компоненты запечатлевания зависимы, дополнительные к визуальному и звуковому: запах, тактильные ощущения.

Хотя запечатлевание визуально в своей основе, но не забываем, что речь идет прежде о явлении сознания, правда на мощном половом органическом фоне мужского либо женского тела. Нас вводит в шок запечатлевания не просто образы красивых людей, которых очень много, но лишь некоторые из них. Не красота как таковая, часто для нас формальная, бездушная, а люди, их носители – недалекие, ограниченные и плоские, способные воспламенить только безнадежного, оторванного от реалий, идеалиста, да и то ненадолго. Живость, подвижность, незатертость души, чудинки ее, страдания ее, внутренняя насыщенность беспокойством и добром – вот основа природного обаяния, которое и является драгоценной оправой телу. Лишь обаяние придает эмоциональность, создает живость и волнуемость сочувствования психик, насыщает содержанием физиологическую чувственность. В противном случае секс просто механизмуется и сериализуется. Природное обаяние проявляется в многообразнейших формах: манерах держаться, реагировать, ходить, разговаривать, модуляциях голоса и многом другом.

Вместе с тем, как бы мы не "раскладывали" запечатлевание на простые составляющие, рациональный анализ не способен дать ему предельное объяснение. Ибо рациональный анализ работает "внутри" пределов мышления, его правил. Здесь же мы имеем дело с явлением самого предела – антропологических рамок конституирования жизни рода. В данном случае основ отношений между полами. Потому иррациональность запечатлевания имеет антропологическую подоплеку – это *ratio* рода, чутье рода в каждом из нас. Оно настроено на поиск существ *соразмерных нашему индивидуальному естеству* – не психологически, а скорее в сквозной генетической перспективе. И далеко не всегда они находимы в нашем ближайшем социальном окружении. Дело во многом счастливого случая. Наши контакты, увы, всегда принципиально ограничены. Мы не можем "осмотреть" весь возможный брачный контингент. Оттого сила запечатлевания и связанная с ней мера священного безумия неодинакова. Как неодинаковы и последствия запечатлевания после его "*развертки*" при продолжении взаимно заинтересованного общения. Развертка запечатлевания означает всегда известный спад эмоционально-психического напряжения в сравнении с первым шоком, его стабилизацию в некоторых возможных направлениях. Переживания

характера ответной реакции избранницы (ка), познающее общение, приводят либо к укоренению очарования, либо к разочарованию.

Поскольку мы прослеживаем позитивную (успешную) линию развития чувственности, постольку фаза запечатлевания завершается в нашем анализе *укоренением очарования*, фиксацией взаимонуждаемости двух людей друг в друге. И как же поведут себя в этой новой, неожиданной ситуации взаимозависимости прежде суверенные и существенно отличные по своей половой конституции его, типичные мужчина и женщина? Не надо обладать большой проницательностью для предположений, что поведут они себя, во-первых, в соответствии со своими половыми манерами бытия, и, во-вторых, состязательно.

Мужская чувственность есть себялюбие через другого, утверждение себя в другом: как плотски – через вхождение, осеменение и рост своей плоти в чреве другого; так и духовно – воплощение в сознании другого как незаменимой самобытности, равно как и объективация в других представительских формах. Мужчина в норме от природы настроен на агрессивность, напор, преодоление. С самого начала с его стороны идет война, осада крепости по всем правилам военного искусства "солдат любви", с использованием всего арсенала средств: пряник и кнут, лесть и угрозы. И под всем этим угрожающим великолепием часто зияет неуверенность сомнения в себе, своих силах, метания, жажда умиротворения, отдохновения, согласия с собой, представимого в материнской ласке уже не женщины-матери, а женщины как чувственной половинки.

Женская чувственность есть тебя-любие, принятие и воспроизведение другого в себе как себя: как плотски – через принятие плоти и семени, дающей новую жизнь, чувствуемую, однако, как продолжение себя; так и духовно – воспроизведение и забота о благоприятном течении репродукции (брак, семья). Любящая женщина почти никогда не противостоит прямо мужскому агрессивному напору, особенно в первый, романтический период чувственности. Это ей просто не нужно, ведь завоевывают ее – утверждая ее востребованность, а значит привлекательность и самобытность. Она, напротив, стремится усилить и стабилизировать мужскую наступательную инициативность. Подобное часто интерпретируется мужчинами как природная мазохистская черта женщин. Вот еще один пример неадекватности в понимании между полами (как и противоположный, уже женский, предрассудок: им нужно только это).

Любящая женщина действительно охотно отдает мужчине власть над собой, особенно "в свете юпитеров" запечатлевания. Но это не абсолютная власть, а скорее конституционная монархия, где, как известно, монарх обладает помпезностью внешней атрибутики власти, освященной традицией, реально же правит конституция.

Конституция – это и жизненные установки женщины, но в большей степени *жизненные правила нормальных брака и семьи*. Женщина готова подчиняться мужчине, соблюдающему эту неписанную, интуитивную конституцию, носителем которой она сама и является. Конституция эта составляет смысл антропологического, родового существования: воспроизведение себя-и-другого, брак и семья, существование ради существования. Женщина – хранительница человеческого существования как такового, даже часто и лишённого всякого смысла: не прейдет род сей – в тотальности потока живого, где всегда прежде всего господствует масса.

Мужчина только позже, по прошествии отрезвляющего опыта, убеждается в том, что женщина отдается ему на условиях "антропологической конституции". Во многом причина подобной близорукости кроется в рациональной ригидности мужского полового мироощущения: все измеряется одним, понятным масштабом, "под себя". "Отсебятина" полового мироощущения мужчин заставляет их расценивать женское согласие подчиниться, во многом зависимое от физиологической специфики полового акта, за природную слабость и чуть ли не за мазохизм. Злостное заблуждение. Мужчина начинает вести себя как узурпатор, опьяненный властью, и жестоко расплачивается впоследствии за это. Сие есть типичная, вековая ошибка мужчин, равно как и, одновременно, основание для антропологического полового маневра женщин, столь же старого, как и человеческий мир.

Давая мужчине обладать собой, власть и инициативу, активность в соитии, женщина ставит мужчину в положение должника, обязанного возместить, компенсировать "ущерб" – от прямой покупки продажной любви до содержания семьи. Репродуктивный акт природно устроен так, что уж очень напоминает насилие, ущемление, вторжение. Как, кстати, он и воспринимается со стороны несведущими детьми, становящимися иногда случайными свидетелями родительских утех.

Конечно, "маневр", "компенсация" – термины, которые могут восприниматься с несколько циничным, торгашеским оттенком, применение их здесь уместно именно при оговорках: они вскрывают "подноготную" отношений полов, установленных не нами. Реально же они смягчены, утеплены самыми разнообразными чувствами, часто очень трогательными и высокими, выступают в облике естественно-антропологических "предназначений": мужчина – защитник, кормилец; женщина – слабое существо, хранительница домашнего очага и тому подобное.

Но, так или иначе, сама разность половых манер бытия и связанных с ними, отличных друг от друга мироощущений и ожиданий, приводят к неизбежности состязательности. Главное в ней – демонстрация своей ценности и перспективности для партнера, стабилизация его полового интереса к себе и минимизация

возможностей переключения его внимания на других. Как только несколько разряжается эмоциональное напряжение шока запечатлевания, к людям возвращаются присущие им рациональность и практическая интуиция. Хотя они и остаются в состоянии теснейшей обоюдной заинтересованности, впаянные в нее запечатлеванием, но уже стремятся гарантированно заполнить своего партнера в совместное существование ("иметь" и "быть"): начинается **отлов**.

Нет нужды описывать неисчерпаемые арсеналы полов в состязании отлова: житейский опыт каждого, равно как и искусство, свидетельствуют об этом наглядно и представимо. Их концептуализация потребует отдельной большой работы. Здесь же укажем лишь на базовую форму состязательности – *ревность*. Она имеет две модификации: инертную, внутри чувственной оппозиции (собственно двух), – деланное выказывание равнодушия к партнеру; и активную, опосредованную вовлечением других в дела двоих, – собственно ревность.

Демонстрация равнодушия, показная холодность есть первый знак недовольства, адресованный любимому. Этот первый укол достигает, как правило, цели, заставляя встрепенуться, активизироваться, задуматься (так ли я хорош?) над внесением разнообразия в ухаживания. Но недостаток данного оружия чувственности в кратковременности его действия. Если долгое время один из влюбленных, скажем по-простому, "дуется", сохраняя в целом лояльность партнеру, то последний вскорости начнет воспринимать его как никому не нужного "ломаку". И вполне может начаться действительное охлаждение. Подобная форма ревнования грешит инерцией самозамыкания внутри этого-вот круга чувственности, находясь под угрозой самозатухания. Она ограничена, т.к. не задействует главный ресурс чувственности – ее собственнические установки. К чему самосовершенствоваться, улучшать и разнообразить содержание любви, коль скоро милый друг и так никуда не денется. И вообще, закрадывается непрошенная мысль, и кому он еще нужен кроме меня?

Настоящее состязание начинается лишь тогда, когда под вопрос ставится "нежная собственность", а отношения двоих начинают терять былую прозрачность, подергиваться дымкой неопределенности, по каемке которой начинают скользить разноцветные фантомы "других".

Человек практической жизни, повседневности, вообще "телесный", "плотский" (в отличии от "человека сознания") – это собственник. Его прекрасно описал Макс Штирнер в знаменитом философском трактате, с точным названием, передающим кредо человека плотского – "Единственный и его собственность". Человек в социально-практической, поведенческой, материальной плоскости своего бытия, куда относима и его чувственность (тело, эрос, будущее

дети), является вполне штирнеровским "единственным", для которого весьма высоко значимы его собственнические интересы.

Ревность и есть борьба за права на другого как "нежную собственность". Ревность обычно понимают как агрессивное-возбужденное состояние недовольства, обиды, сомнений, вызванное неадекватным с нашей точки зрения поведением любимого человека, оказывающим неподобающие знаки внимания посторонним. Человека, с которым мы имеем эмоционально-чувственные связи и взаимные душевные обязательства. Ревность, тем самым, понимается в основном как страдательное состояние одного вследствие определенного поведения и реакций другого, что правда не исключает и о ответных, активных действий. Однако ревность, если она имеет место в отношениях людей, у которых сохраняется взаимная чувственность, обладает всегда сложной композиционной структурой. Ее основа – два любящих, связанных исходным для их обоюдной чувственности запечатлением. Это – базовая "единица" ревности. Разумеется, до тех пор, пока сохранна безусловность объединяющего их запечатленивания. В нее могут включаться "переменные" – другие люди, используемые любящими в качестве "разменной монеты" торга-состязания между ними. Случаются, впрочем, и контр-запечатленивания (любвные треугольники), когда игра с ревностью переходит в новую чувственность.

Сама ревность необозрима: ревнуют не только к соседу или знакомому, но и к литературным персонажам, политикам, киногероям или эстрадным идолам. Ревность отлова отлична от ревности в последующих, устоявшихся отношениях. Ее главное отличие в большей жестокости и соответствующей большей терпимости, что определяет ее чрезвычайную эффективность в спрямлении извилистых душевных троп чувственности к полному слиянию сердец. Когда они вынуждены самораспахнуться и предстать друг перед другом, дрожащие и испуганные, перед предстоящей безусловностью слияния. Ревность как безжалостный скальпель "хирурга Чувственности" удаляет препоны гордыни, заставляя пожухнуть – и себялюбие мужчины и настрой контроля женщины.

Ревность состязания, таким образом, иная, чем ревность в формализованной ситуации брака, где последняя балансирует на грани угрозы обрыва чувственности – измены. Ревность состязания в большей степени жестокая условная игра, в которой побеждают самообладание и выдержка. Условия – принципиальное сохранение верности. Внутри же их возможен обмен жесточайшими ударами на "границы фолла". Причем каждый из участников знает, что капитуляция означает сознательное последующее подчинение. И никто этого не хочет.

Однако испытания ревностью всегда достаточно серьезные. И оба любящих, не уверенные, как правило, в своих силах и в степени

впечатления, производимого на своего визави, во многих случаях одновременно оба идут на попятную. В этом положительный эффект ревности – она не только язвит ударами, но и врачует их, заставляя смирять гордыню, становится покорным и терпеливым. Обоих влюбленных. Обменявшись уколами ревности, они убеждаются в том, что больно одинаково обоим и лучше не мучить друг друга. Правда и это понимание недолговечно, а борьба возобновляется – до следующего примирения.

Оружие ревности используется, таким образом, для защиты имманентно-собственнических интересов чувственности. Оно используется для решительной правки поведения любимого. Когда представляется, что любимый недостаточно рьяно демонстрирует свои чувства, стал более сдержанным в проявлениях страсти или уделяет непомерно много внимания другим. Задача ревности - сделать душевно больно для инициации нового возжжения страсти. Это *смесь мести и провокации*. Провоцируется активизация собственнических инстинктов в любимом: смотри, я не только твой (-я), ты не монополист (значит в чем-то дал слабину, потерял форму, вовсе не такой уж и особенный).

Ревность есть всегда *проблематизация чувств уверенности и обладания*, введение переменной сомнения в формулу чувственности. Самоуверенность любимого (-ой) опасна, ибо гасит самодовольством беспокойство, живость и, главное, переживание чувственности во времени. Если человек вводит свою чувственность в константное поле повседневности, обычности, всегдашности, то она функционализируется, затирается, превращается в предмет обихода, окружающей занудной обстановки. И здесь ревность выступает стихийным костром, в котором по-иному переплавляются чувства – в новый слиток, отлитый как попало (впрочем, как всегда). Правда костер ревности может испепелить и дотла душу, выжечь всю имеющуюся там любовь. Если его не регулировать, не добавлять, по мере необходимости, тушащих средств нежности, покорности, раскаяний и объяснений.

Динамика отлова или борьбы за монополизацию и контроль в чувственном тандеме непредсказуема и бесконечна по вариациям. Однако дело завершается либо установлением доминанты одного из партнеров, либо неустойчивости паритета распределения сфер влияния. Так или иначе, отлов завершен, понимание обоюдной нуждаемости налицо: поют свадебные трубы, гудят брачные колокола. И чувственность вступает в свою третью, наиболее трудную (поскольку она самая длинная и непредсказуемая), фазу – ***приручение***. Это лишь в сказках все кончается свадебным пиром, в жизни все только начинается.

Уже само осуществление брака означает победу женского начала в чувственности, начала стабилизации, заботы и контроля.

Отлов в большинстве случаев оканчивается тем, что мужчин убеждают в конце-концов (*ratio*) в безусловной необходимости и полезности брака. Этому способствуют: продолжающееся действие запечатлевания вкупе с трансцендирующими иллюзиями самих мужчин; перспектива стабилизации устройства жизни с психологически надежным партнером и гарантия регулярности совокуплений, столь физиологически значимая для мужчин массового брачного возраста (20-40 лет); неясные чадолюбивые устремления и пр.

Женщины, в своем большинстве, от природы ориентированы на брак и семью. Не совсем точны, как думается, суждения "социобиологов" о том, что женщины по особенностям своих половых стратегий делятся на две категории: тех, кто ориентируется на нормальных, средних мужчин, способных обеспечить, заботится о семье и детях; и тех, кто ориентирован прежде всего на оплодотворение только избранными, "сильными" мужчинами. Вторая категория на самом деле есть скорее исключение, вывих либо результат деформирующего влияния патриархальной морали, мужских ценностей.

Потому фаза чувственности "брак" находится под знаком женщины. Это ее территория, к ведению "военных действий" на которой она подготовлена естественным образом, складом своего мышления и психики (забота, практическая интуиция). Мужчина на этой, не своей, не органичной ему по природе, территории, вначале мечется как испуганная зверушка, лихорадочно пробуя самозащитные варианты поведения, но постепенно замирает, усмиряется, привыкает, обкладываемый методичными рубежами женской заботы. Цель приручения – *одомашнивание*, превращение самовольного, полигамного существа в моногамное существо, которое понимает уже свободу в спинозовском духе (познанная необходимость: семейная).

Технологии одомашнивания так же трудно концептуализировать в силу необъятности эмпирического материала, как и технологии отлова, и они ждут своего исследователя. Общность технологий одомашнивания основана на общности базовых женских качеств: забота (контроль) и практическая интуиция. Первое – наступательное начало, которому мужчина не способен противопоставить что-либо действенное: "для тебя же делаю, о твоём благополучии забочусь, а если это тебе не нужно, значит ты меня не любишь". Забота, которая стремится проникнуть во все поры семейного тела вполне естественно оборачивается контролем, на который мужчины реагируют крайне болезненно. Если у женщины отсутствует или слабо выражено другое базовое качество – практическая интуиция, то давление заботы-контроля вызывает прямой бунт и радикальный обрыв брака.

Рубежи заботы: стабильность, долг, дети. Одновременно это и главные удерживающие мотивы для мужчин. Чувственность

чувственностью, но необходимо понимать, что брак создает и несколько отличную, можно даже сказать "параллельную" реальность – эмоционально-повседневную реальность семьи, со своей структурой и нормами, другими людьми (дети, родственники). Потому это уже не только "дело двоих". В чем, кстати, заключается внутренняя антропологическая несправедливость и обман брака: выбираешь одного человека, а получаешь в довесок еще и других, которые все начинают совместно обживать твою реальность.

Однако семья не только берет, но и дает: спокойствие, основательность, укоренение, уверенность. Эти качества становятся милы мужской душе, прошедшей романтический период "бури и натиска" юности, проектов преобразования и реформ зрелого возраста. Потому этот рубеж заботы, стабильность – лейтмотив женского мирочувствования, принимается в ходе одомашнивания (остепенения) и мужчинами.

Рубеж долга объективно создаваем, опять-таки, особенностями антропологии. Половая жизнь, в силу своих физиологических особенностей, создает устойчивое впечатление "сексуальной эксплуатации" женщин мужчинами – одно основание "долга". К этому добавляется и другая действительность: большинство женщин находит своих спутников жизни в брачном возрасте (16-30 лет). Это время расцвета привлекательности и свежести обаяния – наиболее ходкого "товара" на брачном рынке. Эти товарные качества, естественно, теряют свой первоначальный вид в ходе "сексуальной эксплуатации", испытаний семейной жизнью и детьми. Возникает другое основание "долга": "я тебе жизнь отдала, молодость загубила и пр." Большинство же мужчин, – существа долга. Потому данный рубеж заботы совпадает и с мужским умонастроением.

Дети – особый рубеж приручения, бесспорно наиболее основательный. Конечно, у мужчин не столь безусловное отношение к детям, как у женщин. Это объяснимо все теми же особенностями устройства людского рода. Воспроизведение другого-в-себе как себя – имманентная женская цель, как воплощение себя у мужчин. Потому и естественна безусловность женской любви к своим детям. Голос крови есть и у мужчин, который однако всегда рационален и требует очевидности и достоверности (ребенок должен иметь бесспорно отцовские черты). Другое условие мужчин к детям – соответствие их мирочувствованию: коль скоро это мой ребенок, он должен идти по моим указаниям, быть послушным воле родителя.

Для женщины и непослушный, может даже враждебно настроенный, ребенок – всегда ее ребенок. Иное дело с рациональным, волевым мирочувствованием мужчин, несущих в себе начала духа рода, противопоставляющего себя материи и плоти. Мужчина способен пойти против крови, против своей плоти – если, как он полагает, нарушаются его суверенные духовные права. Такое

редко, но случалось и случается. В целом же мудрая природа устроила так, что сама разность половых мироощущений должна обеспечивать необходимую для роста детей гармонию нерассуждающей любви и дисциплины.

Наступление заботы (контроля), корректируемое практической интуицией, опирается на два "засадных полка": шантаж любовью и шантаж долгом. Но как реагирует на одомашнивание мужчина? Исключая варианты прямой конфронтации, ведущей к разрыву, можно выявить основную форму мужского ответа – компромисс.

Компромисс в приручении становится возможным между людьми, у которых хорошо развиты соответствующие конститутивно-половые признаки сознания: рациональность и практическая интуиция. Мужчине бесполезно сопротивляться на территории семьи – это вотчина женщины. Дилемма стоит одна: либо подчинение, либо разрыв (и "выжженная земля" в душе обоих). Подчинение не собственно женщине, а законам "семейной реальности", являющейся ее родной стихией. Для мужчины, который, напротив, совсем не готов по своему органическому мироощущению к семейной жизни, последняя в большинстве случаев выступает именно новой средой. Средой, прямо скажем первоначально неблагоприятной, контрастирующей мужскому умонастрою, к которой он должен адаптироваться, одомашниться.

Понимать это недостаточно, надо обладать природным потенциалом терпимости. Однако еще в большей степени возможность мирного и гармоничного одомашнивания напрямую зависит от степени развитости практической интуиции женщины и потенциала ее толерантности. Проще говоря, надо чувствовать, когда надо непременно уступить и простить, не допуская потакания, но и не усиливая нажим до ответного взрыва. Компромисс на то и компромисс, что есть итог взаимоограничения и взаимного учета интересов и слабостей сторон. Устанавливается он жизненно-стихийно и редко даже проговаривается, чтобы, по совместному умолчанию, это не принимало вида какого-то уж совсем неприличного торга.

Тем не менее суть компромисса – в разделе сфер влияния и выработки негласного кодекса, где устанавливаются приемлемые границы ожидаемого поведения. Сферы влияния – это области: семейной хозяйственной жизни; общения с посторонними; воспитания детей; общей компетенции.

Таким образом, компромисс – общая норма приручения. Однако принимают его мужчины по-разному, в зависимости от степени выраженности в них фундаментальных качеств пола. Часть мужчин, склонных к трансцендированию запечатлевания, а также гипертрофированные рационалисты, склонны принимать компромисс всерьез и без двойной игры. Слабые, безвольные мужчины находятся

целиком "под каблучком". Однако большинство мужчин, "солдат любви", хотя и принимают компромисс, будучи вынужденными подчиниться антропологически непреложным обстоятельствам семейной реальности, никогда не могут перенести конца своей свободы. "Солдаты любви" превращаются в *"партизан любви"*. Мужчины создают для себя реальность свободы, параллельную семейной, где и партизанствуют в тылу противника, с общей, впрочем, и конечной судьбой партизана. Мужской этос отразил эту запретную сторону свободы в анекдотах, фольклоре, неписанном бахвальном кодексе, вырастающих до размеров настоящих саг особого полового эпоса.

Приручение завершает цикл чувственности, превращая ее в биологическое "производство" человеческого рода. Этот процесс антропологически объективен и необходим, женщина есть лишь его главный агент. Чувственность между полами столь значима для людей в силу того, что к этому их понуждают наши тела с их генетически заложенными необоримыми стремлениями к совокуплению и продолжению рода. Сила стремлений столь велика, что сцепляет в одну плоть существ, весьма отличных друг от друга. И она же затушевывает осознание существенности этих отличий.

Чувственная любовь, как и любой феномен живого, плотского имеет свой срок: цветение, плодоношение и увядание. Как и все живое, плотское она эгоистична, случайна, слепа и жестока. Это основная форма проявления *родового* инстинкта самосохранения, потому и занимает почетное второе место в иерархии витальных ценностей после индивидуального инстинкта самосохранения.

Наши инстинкты, однако, не отделены непереходимым барьером от нашего сознания. Конечно, сознание есть сознание, инстинкты есть инстинкты. Вместе с тем, часто мы не видим интервенций со стороны биологического в цитадель сознания. Так инстинкт самосохранения не только предохраняет тело от сознательной порчи, но и "проникает" в сознание – в желании жить и узнавать, жить и реализовывать свои планы. Желание бессмертия. Самосохранение, таким образом, не только витальный конститутивный закон, но и устойчивая доминанта сознания. Далее. Половые особенности тела и психики определяют существенное своеобразие целевой и мотивационной структур мужского и женского сознаний, определяют серьезное различие в их мироощущении. Инстинкт размножения бросает нас друг к другу, соединяя несоединимое – в яростной борьбе и внезапном обессиливании, понимании и отчуждении. И всем этим ненавязчиво, анонимно распоряжается через индивидуальное тело генно-культурная программа рода, гений рода.

Наше же сознание, наше нарциссическо-индивидуализирующееся его всегда стремится видеть особый метафизический смысл и значительность в своих вполне витальных

поступках. А что делать? Ведь иначе пришлось бы признать обратное: нашу малозначительность, эфемерность, марионеточность в руках анонимной Силы (мировой витальности, мировой воли, коллективного бессознательного и т.п.) Спасительный круг – идея о субстанциальности нашей субъективности: мысли, воли, веры и любви. Лучше верить в то, что подлинное основание материального бытия имеет ту же текстуру, что и наше сознание, а наша ментальная и эмоционально-волевая жизнь в глубине своей есть проявление не индивидуального тела и мозга, а мировой субъективности. Как-угодно ее назови: Брахман, Дао, Абсолют, Единое, Бог, мировая Воля, гений человечества и бесконечно в том же духе.

Потому и чувственность в отношениях полов космологизируют, метафизируют, сакрализуют, превращают в онтологическую ось мироздания. Гипостазируют лишь один из возможных аспектов реальной чувственности. Это делает "новая субъективность", то самосознание, которое встает на путь внутренней перестройки, борьбы и выработки собственной духовной действительности. Положительные, созидательные моменты в чувственности (благожелательность, терпимость, бескорыстие, радость и пр.) осмысляются и концептуализируются в понятие "любви как таковой". И это уже во многом культурная конструкция, конструкция сознания. Сие есть умозрительная, духовная любовь, имеющая, кстати, вполне ярко выраженные феминные следы происхождения. В ее гуманистической значимости сомнений нет. Вот только она же является тем метафизическим покрывалом иллюзий и респектабельных заблуждений, которая плотно укутывает антропологическую подоплеку реальной чувственности.

Подоплеку разительного отличия половых мирочувствований, определяющих саму динамику реальных любовных отношений. Это порождает культурную практику игнорирования подобных различий, метафизического нивелирования людского рода. Именно здесь корень всех проблем непонимания в чувственности: люди воспитываются и социализируются в рамках нивелирующей культурной парадигмы, они принципиально не готовы принять другого человека как представителя другого пола с другой манерой бытия. Парадоксально, но здесь житейская мудрость, ориентирующаяся на **сочувствие, жаление** между мужчиной и женщиной, дает более верное знание о ситуации чувственности, чем современная теоретико-идеологическая практика.

Октябрь-ноябрь 1999